

С Сашенькой я познакомился на выставке. Причина, по которой я обратил на нее внимание, была банальной: Сашенька — потрясающая красавица. Она была чем-то похожа на дивно прекрасных юношей с картин на античные сюжеты — Аполлона, Гиацинта, Нарцисса и др., — хоть при этом была и очень женственна. Таких черных глаз, такой густой гривы кудряшек, такого тонкого живого личика я не видел давно, а если честно — вообще никогда не видел. С девушками я знакомился туговато, но тут сказал себе: упустишь ее — не простишь себе никогда. И превзошел себя

С выставки мы шли вместе. Сашенька была обворожительна до безумия. Я блистал, как умел, и Сашенька смеялась: я имел успех. Она оказалась младше меня на восемь лет, но была такой умненькой и необычной, что я чувствовал себя, как золотоискатель, откопавший слиток. Она даже разрешила мне провести ее домой, только при этом очень просила меня не влюбляться в нее. Она улыбалась, когда говорила это, но я уловил в ее голосе серьезную нотку.

У меня ничего не получилось: через пару дней я был смертельно влюблен. Саша, к моему восторгу, явно отвечала мне взаимностью, что страшно смущало ее: на все шаги сближения она шла, будто подчиняясь неизбежному. Это добавляло в нашу любовь какой-то роковой таинственности.

Было лето, стояла жара, и я пытался затащить Сашу на пляж. Обычный, не нудистский. Саша категорически отказывалась. Она также отказывалась раздеться для меня и со слезами на глазах просила «остаться только друзьями», хоть мы к этому времени упоенно целовались взапус и облизывали друг друга, как котята. Меня обижало это, но я видел, что между мной и Сашиним телом стоит какая-то тайна.

У Саши были и другие странности: иногда она говорила о себе в мужском роде: «я сделал», «я пошел» и т. д. С ее хрупкой женственностью это выглядело очень обаятельно, и я стал называть Сашу «мой зверек» или «мой заяц». Еще Саша нередко обращала внимание на женскую красоту, говоря мне: «а как тебе вон та? а вот эта?» Честно говоря, все они и рядом с ней не лежали, о чем я честно и говорил Саше, — а она возражала, подробно описывая, чем хороша та или иная девушка. Я же не видел никого, кроме нее.

Сашина мама отнеслась ко мне очень благосклонно, хоть Саша была еще несовершеннолетней — ей было всего 17, — и явно возлагала на меня большие надежды. Это было странно: за Сашей должен был быть длинный хвост хахалей, — да так оно и было: не раз и не два я отшивал ухажеров, которые липли на нее, как мухи на мед

Однажды, спустя месяц после нашего знакомства, мы так одурели от ласк, что мне все-таки удалось обнажить Сашульку по пояс. Увидев ее груди, которые столько снились мне — большие, нежные, умильные — я впал в экстаз и зацеловал их так, что Сашенька взвилась под потолок. Она откровенно кричала от желания, но категорически отказывалась раздеваться дальше. Я, пересилив искушение обидеться, обнял Сашу и нежно, как мог, попросил ее обнажиться для меня. Я сказал: если она не хочет секса, я ни за что не буду принуждать ее; я могу утолить ее желание оральными ласками, могу вообще не трогать ее, если ей не хочется, — но пусть она покажет мне себя голенькой. Саша заплакала, оделась и убежала.

Правда, по дороге она позвонила мне и попросила прощения. Я, не столько обижаясь,

сколько не понимая, попросил все рассказать мне. Я ведь видел, что Саша очень хотела любви; Она сказала: если я раздену ее — моментально разлюблю. И наотрез отказалась говорить, почему.

Следующие три дня я провел в мучительных догадках — что с Сашей? Изъян на теле? Уродство? Болезнь? Я предполагал что-то страшное, вроде сифилиса, и пережил две нелегких ночи. Я не на шутку испугался за Сашеньку; в конце концов я решил, что в любом случае буду вместе с ней, что бы не случилось. Поэтому я позвонил ей и поклялся, что не разлюблю ее, даже если окажется, что она — шлюха, зараженная всеми существующими болезнями. Сашенька грустно рассмеялась на это и сказала, что все гораздо хуже, — но разрешила приехать. Полный самых страшных предчувствий, я поехал к ней.

Она встретила меня в халате. Я, увидев ее, прижал ее к себе, чуть не плача, и спросил ее о том, что мучало меня: у нее — какая-то неизлечимая болезнь? Она умрет? Саша замахала руками, и у меня немного отлегло от сердца. Она сказала, что сейчас я все сам увижу: она поклялась не раздеваться ни перед кем и никогда, но — так полюбила меня и так доверяет мне, что решилась.

Попросила закрыть глаза. Я зажмурился, содрогаясь от холодка в сердце; зашуршал халат; Когда я открыл глаза — вскрикнул, не веря тому, что вижу. Сашенька стояла передо мной совершенно голая, и там, где у женщин бывает Это, у нее торчал вверх здоровенный эрегированный член с яйцами.

Выражение Сашиного лица было невозможно описать, да и моего тоже. Я, заикаясь, спросил: ты что — мужчина? Этого не могло быть — ведь Сашенька так женственна, я нутром ощущал ее женственность, пил ее, как нектар; Она грустно сказала, что она не мужчина и не женщина, а и то и другое вместе: гермафродит. Ей было очень стыдно говорить это. Только тогда я заметил под мошонкой заветные складочки;

Робко протянув руку — «можно потрогать?» — я дотронулся до Сашиного хозяйства и стал щупать ее под яйцами. Раздвинул складочки, нащупал бутончик; Там все было вполне правильно и Очень Мокро. Сашенька задергалась, когда я щупал ее, задышала чаще, застонала; Личико ее было грустно-вопросительным, глаза блестели, щеки горели, как маки.

«А его? Можно потрогать?» — и я дотронулся до члена. Саша кивнула, и я, удерживая руку в хлюпающей пизде, другой рукой обхватил ее яички, погладил их, помял; Саша откровенно застонала — и я, опустившись на колени, лизнул ее член — раз, другой, третий, лаская при этом ее клитор и мошонку. Стоны усилились втрое; Боже, шептала Саша, — Боже, как приятно; Как стыдно и как приятно; На глазах ее блестели слезы.

Я взял член в рот и стал делать так, как нравилось мне самому: лизать головку, как мороженное, нежно обволакивая ее сверху донизу. Сашенька дернулась, закричала; а я продолжал этот минет, первый в своей жизни, хлюпал рукой в ее пизде и поглаживал яички. Она извивалась, хрипела и шептала: «нет; нет; не надо; Андрюш; аааааааааа!!!»

Колени ее вдруг подогнулись, и она вцепилась мне в волосы; Меня облили сразу два фонтана: один из них, горько-соленый, наполнил мне рот, заставив закашляться; другой залил ладонь, стекая сквозь пальцы по руке;

Когда Саша, пристыженная, пунцовая и потрясенная, лежала на кровати, а я гладил ее по всему телу и любовался на ее двойное хозяйство — только тогда я ПОНЯЛ и осмыслил, какой

подарок преподнесла мне любовь, какие возможности открываются перед нами — и впервые в жизни засмеялась от счастья. Саша спросила: чего ты смеешься? — и я ответил ей: «Сашенька, Сашулечка! Ты боялась показать мне; но ведь ты — самая счастливая из женщин! То, что у тебя есть — это счастье; мы утопим тебя в таком блаженстве, какое никогда не снилось никакой женщине!»

Сашенька наконец поняла, что я не разочарован, а совсем наоборот — счастлив, что она оказалась таким необычным созданием, — и прижалась ко мне, заплакав от избытка чувств. «Я думала, что никогда не смогу раздеться, никогда; это самое; Ты; правда меня любишь такой, какой я есть?» И я снова и снова говорил это, лаская Сашину грудь.

Между тем я остался неудовлетворенным, я даже не успел раздеться, — а возбуждение требовало выхода. Я спросил Сашу:

— Ты хочешь, чтобы я сделал тебя женщиной? Хочешь настоящего секса?

Саша помолчала, а потом сказала:

— Это моя мечта. Я думала — несбыточная. Но; раз так; давай попробуем? — И доверчиво раздвинула ноги, спросив: — Будет очень больно?

Я пощупал с видом эксперта ее пизду, убедился, что она мокрая, хоть выкручивай, и уверенно сказал:

— Вообще не будет больно. Будет только очень хорошо. Вот смотри, — разделся догола, залез на Сашу и принялся легонько толкать членом

клитор и вход в пизду, немного заходя внутрь. Саша немедленно «запела», зажмурившись от блаженства и стыда, а я продолжил буравить ее, говоря: — Вот, моя любимая, мой драгоценный зайчонок, мы уже занимаемся сексом — видишь? Я захожу в тебя, захожу внутрь — это уже настоящий секс; а потом я просто буду все глу-убже, глу-у-у-убже заходить в мою заю (я непрерывно входил в Сашу, разъебывая каждый миллиметр ее пизды); смотри, как я глубоко уже! а зверьку не больно, зверьку о-о-очень приятно (Саша изогнулась, заурчала и стала насаживаться на меня). — Ага! Почувствовала моя зайка, почувствовала кудрявая; зайке немного стыдно, но это пройдет, скоро пройдет; ай как хорошо зайке!

В этот момент я почувствовал, что в мой живот уперлось что-то твердое. Глянув вниз, я увидел, что Сашин член снова набух и требовал любви. Я осторожно взял его — и Саша упоенно завизжала. Она стала уже откровенно насаживаться на меня, толкая меня тазом, и моя «осторожная политика» закончилась: два-три движения — и я пробуровил Сашу насквозь, до упора, провалившись в мягкий кисель в глубине ее пизды. Было ли ей больно — не знаю; в это время я дрочил ей член, мял яйца — и Саша выла, превратившись в пунцовый комочек наслаждения. Скоро она кончила — кончила как женщина, захлеб, со сладким визгом; Я продолжал дрочить ее член, но она сказала «не надо, он уже все»; Она вздыхала глубоко-глубоко, смотрела на меня во все глаза — и вдруг засмеялась: «Что, правда? Это все правда? Я женщина? Не могу поверить»; Она была полна сексом, как соты — медом, и ей уже совсем не было стыдно;

— До первого класса я была Александром Кудрявцевым. Я до сих пор привыкла называть себя «он», думать о себе как о мальчишке; хотя я всегда чувствовала, что я девочка. Это какое-то невыразимое чувство, его нельзя описать. К семи годам стало понятно, что я явно

похожа больше на девочку, чем на мальчика, да и врач сказал, что женского гормона во мне больше. Так я и стала девочкой Сашенькой, так и пошла в первый класс; Родители боялись, что у меня будет душевная травма — но я как раз была очень довольна, что ношу теперь платица, украшения, бантики, отращиваю волосы; Я будто стала самой собой. — Я могу иметь детей, ты не думай! я самая настоящая женщина! — запальчиво убеждала меня Саша. — Все врачи мне говорят, что женское у меня в порядке; Вот мужское; в общем, как мужчина я не могу иметь детей: слишком мало сперматозоидов, да и хилые они, вялые; Но оргазм испытывать могу и женский, и мужской.

— Это очень трудно описать. Я возбуждаюсь всегда одновременно — и там, и здесь. Но это разные ощущения: там, в женском — хочется твердого, а вот ему — Саша показала на член, — наоборот, мягкого. А заводятся они одновременно: если один, то обязательно и другой. Но мужской оргазм я могу испытать только раз в день, хоть потом он и встает; А женский — сколько угодно, я ведь все-таки женщина; Правда, я ведь женщина? У меня страшный комплекс, что я «не мышонок, не лягушка»; Знаешь, я ведь не все тебе рассказала; Самое ужасное, что я; нет, я не могу;

— Тебя привлекают женщины?

— Да, — тихо призналась Саша. — Но мужчины больше.

— А как это бывает? Опиши;

— Описать?; Ну; да очень просто: на красивую девушку у меня иногда он; встает!

— А на парней?

— На парней; сначала мокреет и щекочет ТАМ; а потом и он тоже встает! — Саша засмеялась.

— Так что же мы будем делать? Тебе нужны и мужчины, и женщины?

— А ты; ты сможешь иногда быть для меня женщиной? Я читала, что так можно; Тогда я не буду хотеть девушек.

— Ты хочешь; Хочешь, чтобы я дал тебе в попу? — Я даже вздрогнул от этой мысли. Это была моя тайная мечта;

Очень скоро мы были помолвлены, а затем и женаты. Моя Сашенька была потрясающей: стройная фигурка с нежной тугой грудью, покатые бедрашки, пластичные плечики, стройные ножки; очень тонкое, немного тревожное личико, похожее на милого, нежного зверька — зайчика или белочку, — необыкновенной красоты глаза, глубокие, чувственные; плавный ротик — и копна каштановых кудряшек, густых, длинных — ниже плеч, — искристых, пушистых;

От наших экспериментов у меня голова шла кругом. Я просто помешался на поисках новых, новых путей наслаждения, на новых ощущениях для Саши и для себя. Я сразу купил нам искусственную вагину и фаллоимитатор с вибрацией. Постепенно я развёл Саше попку, и она сходила с ума, насаженная сразу на три очага удовольствия: на мой член в попке, на вибратор, которым я двигал в ее пизде — и на резиновую вагину, обволакивающую ее член (Саша сама двигала ее). Крик ее тройного оргазма — до сих пор в ушах у меня: Саша тогда хрипела в агонии наслаждения, как умирающий зверь;

После такой шоковой терапии у Саши началась аритмия, и я испугался: кажется, доза

наслаждения была избыточной… Но потом мы привыкли к такому сексу.

Я ебал ее и попку, и в пизду, и в рот, делал ей минет, куни, сочетая обычный и оральный секс с нашими игрушками в разных комбинациях, и Саша истекала в бесчисленных оргазмах. Она изменилась: щеки ее порозовели, с личика не сходила томная улыбка, глазки всегда блестели… Она стала такой хорошенькой и чувственной, что мне приходилось защищать ее от всех знакомых и незнакомых парней.

Нередко мы менялись ролями: я становился девочкой Ксюшей, а она — мальчиком Сашей. Я подставлял свою попку, и она ебла меня своим членом, превращаясь в настоящего дикого самца.

Это было страшно и запретно, но сносило крышу так, что нельзя и описать… Она разъебывала меня долго, как и я ее, — и в конце концов наши попки стали такими широкими и эластичными, что мы могли ебать друг друга без подготовки.

Гомосексуальная жилка совсем отсутствовала во мне — к парням я был равнодушен, — но анальный трах был так сказочно приятен… Сначала она ласкала мне ягодицы, пробираясь к анусу, щекоча чувствительную кожу вокруг него, расслабляя меня… Потом, когда меня затапливало особое чувство блаженной слабости и готовности отдать свою попку в ее власть, ни с чем не сравнимое — задница будто превращалась в мягкий кусок масла, ждущий ее вторжения — она вставляла мне между ягодиц и начинала толкать меня, лаская пальцами спину и бедра.

Постепенно она входила все глубже и глубже, и у меня распирало дыхание от жуткого, приторного чувства полноты… С каждым толчком я чувствовал, как превращаюсь в беспомощный, рыхлый кусок плоти, зудящей от наслаждения; я становился жертвой, добычей, которую терзал хищник…

Саша была (или был?) иногда очень жесток: в этом сексе находил выход ее мужской компонент, глубоко-глубоко скрытый в ней, и она превращалась в настоящего дьявола. Хрупкая, женственная Саша остервенело ебала меня, звонко шлепала по разрыхленной плоти, хрипела — «вот тебе… вот тебе!… я — твой господин!… давай шевелись!…» — и я подыгрывал ей, зная, что это — игра, и в ней сгорает Сашина мужская похоть.

Особый кайф был неожиданно поменяться местами: Саша вдруг выскакивала из меня (мне казалось, что я сдулся, как шарик) и говорила:

— А теперь ты меня!..

И — мы ебли друг друга во все дыры, становясь попеременно мужчиной и женщиной… Это половое безумие растворяло нас в себе, и мы уже не понимали, кто мы… В нем было что-то очень запретное, до содрогания, до щекотки в сердце — но мы знали, что никому не причиняем вреда, и совесть наша была чиста.

Постепенно я привык к тому, что я тоже — немного девочка; Саше, вопреки женским вкусам, нравилось, когда я одевался и вел себя женственно, нежно, кокетливо; любимая наша игра была — «маленькая девочка и сексуальная няня». Мы иногда даже переодевались «наоборот»: я — в девушку, Саша — в мальчика; я надевал длинный парик, Саша делала мне макияж (эта процедура доставляла нам обоим море стыдного удовольствия) — и мы шли на прогулку. Мы даже мечтали сходить в гей-клуб — в качестве двух парней — но так и не решились…

… А потом Саша родила мне двух вполне здоровых детей — мальчика и девочку — и

окончательно перестала комплексовать по поводу своей двойной сущности. Мы уже и сами толком не знаем, кто из нас — мужчина, а кто — женщина… То есть — знаем, конечно, — но, когда надо, забываем.

E-mail автора: 4lovecus@rambler.ru